

СВЯЗАВШИЙ ДВЕ ЭПОХИ

В сегодняшнем номере мы публикуем в сокращении выступление, прозвучавшее на вечере, посвященном 125-летию со дня рождения М. В. Нестерова. Вечер проходил в Академии художеств СССР.

В. С. КЕМЕНОВ.

Михаил Васильевич Нестеров — исключительное явление русского и мирового изобразительного искусства.

Познакомился с ним весной 1936 года, при подготовке выставки Левитана. Я тогда работал директором Третьяковской галереи. Привезли много эскизов, очень сомнительных. Нестеров, указав на несколько этюдов, сказал, что помнит эти вещи в мастерской Левитана и что Левитан бы их не выставил, т. к. у каждого художника бывают слабые вещи, черновики — это его кухня.

Осенью того же года вышла автобиография художника Федора Богородского. Наряду с интересными работами были и слабые. Некоторые из них помещены в книге так, что было ясно, что автор высказывается о них положительно. Я напечатал резкую и язвительную рецензию «Без лишней скромности», хотя и отмечал ряд достойных произведений. Рецензию опубликовали 25 ноября, через два дня в «Правде» было напечатано письмо Е. Ярославского, который осуждал мою статью. Силы были не равны: я был молод, а Ярославский — член ЦК партии. Я написал письмо, что все это не способствует развитию принципиальной критики. Его, конечно, не напечатали.

В то время жил один в коммунальной квартире, на улице Вахтангова. Вечером — звонок. Открываю дверь — Нестеров. Я растерялся... Он сказал, что решил навещать меня. Хвалил мою статью в «Правде». Сказал, что вырезал ее и держит на столе. «Только как бы для вас это не обернулось плохо». Дальше Михаил Васильевич стал спрашивать меня, рассказывал о себе. Так началось наше знакомство, которое перешло в дружбу.

Нестеров к искусству относился по-особенному. Это проявлялось во всем. Как он показывал свои картины! Приветливо знакомился, здоровался, приглашал зайти в комнату, а перед этим в комнате устанавливал картину, ставил кресло. Когда все было готово, открывал дверь и говорил: «Смотрите». Молча стоял рядом, волновался.

Так же был показан портрет Нестерова, написанный Корниным. Корнин на извозчике привез завернутый в холст большой портрет. Нестеров его установил, вся семья смотрела его. Посчастливилось при этом быть и мне. Все были потрясены внутренним сходством, портрет был изумительный.

Михаил Васильевич высоко ценил творчество Корина, Мухиной, Шадра, Курьяникова за их горение в искусстве. Мы часто ездили на вернисажи, выставки молодых художников. Он смотрел внимательно, не пропуская ни одной работы. На выставке «Русская историческая живопись» он подвел меня к своей работе «До государя челобитчики» и обрушился на себя со страшной критикой: размеры картины должны быть в три раза меньше, чтобы соответствовали содержанию.

Слова «художник», «искусство», «творчество» были для Нестерова дорогими и обязывающими. Од-

нажды я принес билет в ЦДРИ на творческий вечер художника. Нестеров взорвался: «Как все просто получается — назначили вечер, собрались — вот и творчество. А тут пробуешь, ищешь, ночами не спишь, мучаешься, когда настанет этот счастливый момент, который ты вправе назвать творчеством».

Когда он писал «Видение отроку Варфоломею», вдруг исчезло найденное просветленное выражение лица мальчика. Нестеров пришел в отчаяние. Около двух недель он восстанавливал его и дал себе слово никогда не поправлять того, что достигнуто.

Михаил Васильевич высоко ценил политические картины Курьяникова: «Это ничего, что на газетной бумаге, это — настоящее ис-

кусство», — говорил он. Группу «Рабочий и колхозница» Мухиной он считал лучшим произведением советской скульптуры. Как возникла книга «Давние дни»? После показа одного из портретов у него дома он сказал: «Хотите, я прочту воспоминания, написанные для себя?» Он прочел очерк о Левитане. Нестеров накопил большой материал, но отказывался дать для публикации. «В таком виде никто не напечатает, а ничего изменять я не буду».

Особенно он опасался за очерк о Верещагине. Я предложил ему: «Хотите, буду редактором вашей книги, а издаст ее Третьяковская галерея». Он согласился и стал высылать мне по одному-два очерка, на один — два дня. Постепенно собралась вся книга. Когда можно было думать о полиграфическом оформлении, Нестеров сказал мечтательно: «Вот если бы Лансере согласился ее оформить». Я позвонил Е. Е. Лансере, он сразу же согласился. На обложке он поместил женскую фигуру, облокотившуюся на урну, на которой написаны имена художников: Серов, Крамская и т. д. Я сказал Михаилу Васильевичу, что мне кажется одно плечо у фигуры не выявлено. «Раз уж так сделал Лансере, переделывать не надо», — ответил он.

Нестеров восхищался Мухиной, хотел написать ее портрет. Мы условились, что я привезу Мухину просто так, пить чай. Вечером мы пришли. Видно было, что Мухина волнуется,

ей хотелось, чтобы Нестеров написал ее портрет. Она одела свое лучшее платье. И вот мы сидим, разговариваем, пьем чай, время идет. Нестеров — само обаяние, но о портрете ни слова. Уже пришло время прощаться, и вдруг Нестеров, подавая пальто Мухиной, говорит: «Я хотел бы просить позировать вас для портрета». Решили, что портрет он начнет писать поздней осенью. Он хотел побывать в мастерской Мухиной, увидеть, как она работает, наблюдать человека в привычной обстановке.

Портрет Мухиной... Нестерову удалось передать состояние творящего художника. Мухина целиком в работе, в своем замысле. Удивительный портрет удивительного мастера!

Дальше — война. Михаил Васильевич — настоящий патриот, он непоколебимо верил в нашу победу и продолжал работать. Он пи-

песни, итальянские. Нестеров утонул в блаженстве.

Михаил Васильевич не выжил после операции. Но перед тем, как умереть, он распорядился всем тем, что имел: кому акварель, кому набросок. Каждый, кого он ценил, получил его последний подарок.

Панихида была в Третьяковской галерее. Серенский день, нестеровская погода, сумеречная. Из советского изобразительного искусства уходил мастер. Первая половина его жизни была отдана духовным исканиям, связанным с религиозной темой, историей, вторая — изображению глубины духовного мира советских людей. Портретная галерея Нестерова — гимн советским людям, нашим современникам, впервые в истории человечества строящим социализм.

Д. А. ШМАРИНОВ.

Я хочу сказать о Нестерове сегодня. Прошло 125 лет со дня его рождения и 45 лет со дня смерти, и мы видим, что искусство Нестерова все больше и больше входит в нашу современную жизнь, интерес к нему возрастает.

Слово «духовность» сейчас несколько затаскали, но без него нельзя обойтись, когда говоришь об искусстве Нестерова. Существует такая фотография киевского периода: Нестеров сидит на диване — над ним портреты Толстого, Пушкина и Достоевского. Это неспроста. Эти титаны действительно близки ему по духу. Основная тема его жизни — духовная жизнь русского народа, связанная с его историческим прошлым. Подобно Достоевскому, любовь к народу он сохранил на всю жизнь.

Лиризм пейзажей — содержание его творчества, женские судьбы, поиски нравственных идеалов. Это одна сторона его творчества, полная поразительной грусти, поэзии, мечты. И потому — уединение в природе, тема старчества, поиска праведной жизни. Старец Зосима — это волновало его в Достоевском. Очевидна любовь Нестерова к творчеству Левитана. Но он нашел свою ноту, создал свой, нестеровский, пейзаж. «Пустынный» — первая его работа, в которой человек и природа едины. Интересно вспомнить, как была встречена картина «Видение отроку Варфоломею». Ведь, когда Третьяков купил эту картину, многие художники, говорили ему, что эта картина мистическая по всем параметрам. Третьяков молча слушал, а потом, поблагодарив, сказал, что купил бы эту картину даже после того, как выслушал их мнение.

Одна из поразительных работ «Сергий Радонежский». Нестеров жил в Абрамцеве — бесконечно близком всем москвичам. В картине Сергий стоит на пригорке в Абрамцеве, разворачивается большая панорама, всюду холмы, тропинки — поразительный по красоте пейзаж. Однажды мы с Сергеем Герасимовым были в Русском музее. Это было счастливое время. Там висели одновременно «Дмитрий — царевич убиенный», «Великий пострит», Врубель, конечно — мировые вещи. Это был дивный, поразительный зал. Тогда много говорили об агонии реалистического искусства накануне революции. А ведь великолепное было искусство! «Дмитрий — царевич убиенный». Как цен и любил Нестеров Пуш-

кина! Углич на фоне Дивной церкви, так она называется в народе, березки, дальний план, цветы и скользящая тень убитого отрока. Удивительная вещь по своей поэзии, проникновению в дух русской истории. Открытая легенда.

Мне бы хотелось сказать о галерее портретов, которые создал Нестеров, портреты наших современников, ими гордится наше искусство. Шадр, Павлов, Юдин, Держинская, Кругликова, Мухина. Он писал людей творческих и в момент творчества, интеллектуального напряжения. Портрет Юдина с его руками хирурга. Нестеров говорил, что руки — один из главных человеческих органов, руки говорят. На всех портретах Нестерова — горящие руки. Михаил Васильевич писал: «Удачный фон в портрете — это половина дела. Он должен быть органично связан с изображением, лицом, характером, действием». В портрете он говорит о действии!

Мне бы хотелось привести некоторые мысли Нестерова об искусстве: «Реализм, который был у передвижников, к которому призывает русское искусство, должен быть подлинным, основанным на знании природы и человека, в ней живущего. Когда молодежь будет грамотной в плане постижения человека, когда она научится смотреть на природу трезвыми глазами, она увидит в событиях нашего времени тысячи тем, восхитится этим, и наступит возрождение нашего искусства».

В. А. СОЛОУХИН.

Я интересовался творчеством Нестерова, когда писал «Письма из Русского музея». Каждый художник, тем более великий, должен найти себя, преодолеть террор среды. Человек живет и воспитывается в привычной среде, наследует определенные традиции, первые шаги определяются этой средой, а потом он начинает ломать эти рамки. В момент, когда в жизнь входил Нестеров, господствовал жанр — забавные житейские сценки, почти фельетон. И Нестеров, будучи воспитан и окружен действительностью того времени, начинает с жанра — с уличных сценок. На взлете так называемого «псевдорусского» искусства родился Нестеров, начавший с жанра, и вдруг — «Христовая невеста», «Пустынный».

Россия была многообразной и многоликой. Была Россия молящаяся. Россия духовного поиска. На нее смело и решительно обратил взгляд Нестеров и запечатлел на холстах.

В Грузии есть церковь, целиком расписанная Нестеровым. В прошлом году меня туда привезли со стороны Батуми. Живопись Нестерова гибнет, меркнет, отмокает, шелушится. Роспись еще не вся погибла. Я написал три письма в самые высокие инстанции. Прошло два года, что-то зашевелилось. Я выезжал туда еще раз. Высадился «десант» от журнала «Огонек» с бригадой телевидения. За два-три дня до нашего приезда все загроздили лесами. Я попросил убрать леса, чтобы была возможность снять на пленку удивительную нестеровскую роспись. Она посвящена Александру Невскому, есть небольшая композиция, посвященная великой крестительнице Грузии — Нине.

Для реставрационной работы в Батуми должен выехать русский художник. Если ее не спасти сейчас, то будет поздно. Роспись надо сохранить для потомков.

Ю. К. КОРОЛЕВ.

Мы в конце этого года откроем Третьяковскую галерею и должны думать — чем. Мнение ученого совета — открывать Нестеровым. Мы пришли к мнению, что следует показать выставку русского искусства, которое зрители давно не видели и обязательно выставку Нестерова. Сделать великолепный каталог. Кроме того, такой мастер, как Нестеров, требует серьезной научной конференции.

Н. И. АНДРОНОВ.

Центральным ориентиром мировоззрения Нестерова стал образ Сергия Радонежского, ему был посвящен гигантский цикл. У Нестерова есть эскиз неосуществленной картины, но замысел был грандиозный и монументальный: Сергий Радонежский благословляет Дмитрия Донского перед Куликовской битвой. Здесь — большая сыновья любовь и забота о целостности своей Родины. Это важно и сегодня. Думаю, что разделять творчество Нестерова на до-революционный и послереволюционный период не надо.

«Портрет Павлова» — это не физиолог-Павлов, а философ-Павлов. Здесь раскрыта и глубина характера, и связь с миром. Философская глубина творчества Нестерова особенно актуальна. Он был историческим живописцем, а не религиозным. Суриков видел в нем собрата.

В. И. ИВАНОВ.

Нестеров — яркий пример неповторимости русского искусства. Яркий пример того, что разрыва в нашем искусстве не было. Была война, мы учились в средней художественной школе. На собрании директор и объявил, что скончался великий русский художник. Нестеров был художник, который давал нам силы своим святым отношением к природе.

Еще до войны на Кузнецком была выставка Романина. Нестеров смотрел картины. К нему подошел автор, замечания Михаила Васильевича были такими: «Острый глаз, зоркий глаз, хорошо видите». Была там обнаженная. Нестеров сказал: «Писать не умеете, больше таких обнаженных не пишите». После просмотра Нестеров сказал, что выставка понравилась. Романин всегда с восхищением и благодарностью говорил о Нестерове, который первый поддержал так серьезно его творчество.

Мы были в Уфе, в эвакуации. Там я видел его этюды, начатые работы. Поражала тщательность, с которой работал Нестеров. Искусство Нестерова толкает на размышление, для него выше всего в творчестве был реализм. Он видел и чувствовал новые черты у Павлова, видел нового человека в Шадре. Его реалистический метод был более глубокий, чем у Дейнеки. Было время после революции, когда Нестерову приходилось продавать свои работы, свои лучшие работы. Нестеров — пример вечного, того, что искусство должно нести в себе.

И. Ю. НИКОЛАЕВА.

Прежде чем попасть сюда, мне захотелось пройти мимо дома № 43 по Сивцеву Вражку. Кто видел этот дом, у того впечатления такие же, как и у меня. Мне хотелось бы вспомнить слова Лопе де Вега, который сказал устами героини Лоуренсии: «Где же наша честь, если на оскорбления мы перестали отвечать». Сколько лет нам придется видеть страшный амбарный замок и стены с облупленной штукатуркой? Не сделать музей Нестерова — непозволительно. Сколько нам ждать этого музея?

М. НЕСТЕРОВ. «Девушка у пруда».